

Капитан Сергей остановил машину у здания, Ван Чжун стремительно выскочил наружу, но, сделав пару шагов, вспомнил о чём-то важном и, повернувшись к Сергею, крикнул:

□ Снимай штаны! Быстро!

Сергей отшатнулся, словно от огня:

□ Нет! Ни за что! Как я потом буду хвастаться подвигами перед девушками?!

Ван Чжун нахмурился:

□ Это приказ! Твои действия подрывают боевой дух армии! А если падёт боевой дух, то наше будущее □ лагерь для военнопленных!

Вообще-то Ван Чжун не видел ничего ужасного в лагере для военнопленных, но сейчас, когда чаша весов склонилась не в их пользу, слова «мы сдаёмся» было уже не произнести.

Оставалось только идти до конца.

Сергей продолжал упрямиться:

□ Мне кажется, что переодевание на глазах у всех нанесёт ещё больший урон боевому духу!

Ван Чжун огляделся по сторонам:

□ На нас никто не смотрит, все сейчас больше озабочены врагами. Быстрее! Это займёт всего пару секунд!

□ Тебе-то □ да! А вот мне □ конец! □ бормотал Сергей, стягивая с себя штаны. Ван Чжун, не теряя времени, расстегнул ремень и стащил с себя штаны с «художествами» настоящего Алексея.

Под военными штанами обнаружились трусы-боксеры, и Ван Чжун облегчённо выдохнул.

Но в этот момент из здания вышла группа офицеров.

Во главе группы шёл подполковник, звание которого совпадало со званием Ван Чжуна. Увидев происходящее, он остолбенел.

Штабные офицеры, шедшие следом, застыли с открытыми ртами, изображая букву «о».

Ван Чжун сделал над собой усилие и, стараясь не обращать внимания на публику, натянул сухие штаны.

Сергей был немного ниже ростом, поэтому ему пришлось затянуть ремень повыше.

Закончив переодеваться, Ван Чжун строго спросил:

□ О чём это вы тут так шумно спорили? Я вас ещё издалика услышал!

□ А? □ подполковник непонимающе моргнул, разглядывая Ван Чжуна, и неуверенно спросил:
□ Граф Алексей Константинович Рокосов?

□ Я самый. Вы что, мой голос не узнаете? А вот я ваш узнал. Подполковник Иван Пантелеймонович Егоров, командир Третьего Заамурского полка, не так ли?

Вообще-то, Ван Чжун запомнил такую длинную тираду только потому, что на солдатском жетоне были написаны номер воинской части, а также имя, фамилия и звание командира.

Точно так же, благодаря своему золотому пальцу, Ван Чжун знал, что столкнулся с бойцами Третьего Заамурского полка, и, сложив два и два, пришёл к выводу, что перед ним стоит не кто иной, как командир этого самого полка подполковник Егоров.

Прежде чем ответить Ван Чжуну, Егоров бросил взгляд на натягивающего штаны Сергея, задержав взгляд на мокром пятне ровно на секунду.

Ван Чжун сделал шаг вперёд, загораживая Егорову обзор:

□ Подполковник, хоть мы с вами и равны по званию, но я действую по поручению герцога и команду всем отрядом, поэтому являюсь старшим по званию.

Егоров не сразу понял, что происходит, но стоявшие за его спиной штабные офицеры уже вытянулись по стойке смирно и вскинули руки к головным уборам.

Тут до Егорова, наконец, дошло, и он, вытянувшись в струнку, отдал честь:

□ Вы же граф, я должен был сразу обратиться к вам «ваше сиятельство».

Ван Чжун ответил тем же, копируя движения Егорова:

□ Так о чём же вы тут спорили?

□ Мой адъютант, майор Павлов, предлагает атаковать штаб вражеской армии, который мы недавно обнаружили. Он, видите ли, решил, что нам следует пойти на верную смерть!

Майор Павлов, услышав свои имя и фамилию, сделал шаг вперёд:

□ Неправда! Я всего лишь сказал, что мы должны сражаться до последнего! Это же штаб вражеской армии, наша атака, пусть даже ценой собственной жизни, внесёт сумятицу в их ряды и изменит ход сражения!

Первой реакцией Ван Чжуна было категоричное «нет, ни за что!»

Он до сих пор не знал, как называется страна, в которой оказался, и уж тем более не испытывал к ней никакой лояльности.

Но, не успел Ван Чжун открыть рот, как майор Павлов продолжил:

□ Если же подполковник Егоров будет упорствовать в своём желании бежать, то это можно расценить как измену родине. Его ждёт трибунал!

Ван Чжун слегка нахмурился: ему послышалось, или он только что услышал слово, которое никак не ожидаешь услышать в подобных обстоятельствах?

Трибунал?

Егоров заговорил более неуверенно, в его голосе появились задиристые нотки:

□ Трибунал! Ха! Где теперь эти судьи, которые ещё вчера важничали, как павлины? Разбежались кто куда! И след простыл!

Ван Чжун онемел от изумления. Он понятия не имел, что за трибунал, что за судьи, о которых толкует этот Егоров, неужели это что-то вроде военной полиции?

Так как Ван Чжун совершенно не разбирался в ситуации, он решил пока помолчать и послушать, что будет дальше.

Но Егоров взял да и обратился к нему:

□ Пусть уж граф решит! Уверен, ваше сиятельство отдаст приказ отступить по проселочной дороге.

Ван Чжун едва не подпрыгнул от радости: есть просёлочная дорога?! Можно отступить?! Вот

это удача!

«Так, спокойно, главное — не выдать себя», — подумал он.

С серьёзным видом Ван Чжун посмотрел на спорящих офицеров.

«Что же им сказать? — размышлял он. — Судя по всему, Егоров знает какую-то просёлочную дорогу, по которой можно отступить. Значит, нужно поддержать Егорова. Но этот майор Павлов, кажется, твёрдо решил сложить голову на поле боя».

Пока Ван Чжун лихорадочно соображал, ему вдруг вспомнился понравившийся ему фильм «Паттон» и его начало: генерал Паттон стоит перед строем на фоне американского флага и произносит речь, которая длится несколько минут.

Ван Чжун хоть и не помнил точных слов, но общий смысл у него в голове отложился, поэтому он откашлялся и начал свою речь:

— Майор Павлов, вы очень смелый человек, и ваше мужество вызывает восхищение.

Павлов приосанился, с видом победителя, которому удалось отстоять свою точку зрения.

Ван Чжун продолжил:

— Но ещё ни одна война не была выиграна одними лишь жертвами! Чтобы победить, недостаточно жертвовать только собой! Нужно, чтобы жертвы нёс и враг!

Чтобы враг истекал кровью! Сильнее, чем мы!

Ван Чжун сделал паузу, словно хотел подчеркнуть свою мысль и дать слушателям время её обдумать.

На самом же деле, он просто-напросто забыл, что хотел сказать дальше. В голове крутилась фраза «мы будем стирать грязь с наших сапог кровью наших врагов», но произнести её вслух, не имея никакой фактуры, Ван Чжун не решился. Это прозвучало бы неубедительно.

Поэтому он решил импровизировать:

— Вы только что сказали, что если мы атакуем штаб вражеской армии, то сможем посеять панику в их рядах и задержать их наступление на день или два. Что ж, позвольте заметить, что вы слишком переоцениваете силы нашего полка. Да и значение штаба вражеской армии тоже переоцениваете! На линии фронта против нас воюют сотни дивизий, десятки армий наступают

по всем фронтам! И что изменит разгром одного-единственного штаба? Да ничего! Ничего не изменит! Гораздо эффективнее будет отправить закалённых в боях солдат в тыл, позволить им перегруппироваться и с новыми силами дать отпор врагу! Мы должны сохранить живую силу, чтобы потом перейти в контрнаступление и с большей силой обрушиться на врага! Чтобы враг истекал кровью! Чтобы настал тот день, когда мы перенесём военные действия на территорию врага, и он сам будет вынужден защищать свою родину!

«А вот сейчас самое время вспомнить знаменитую фразу из фильма!», — решил Ван Чжун.

Он выдержал паузу и, понизив голос, проговорил:

— И тогда мы будем стирать грязь с наших сапог кровью наших врагов, будем топтать их кости своими сапогами!

Майор Павлов несколько секунд пристально смотрел на Ван Чжуна, а потом сдался:

— Хорошо, вы меня убедили. Хотя я видел, как вы переодевались, и знаю, что вы обмочились от страха, но вы меня всё-таки убедили.

«Да что ж такое, никак не отстанете от этих штанов! Я вам ещё раз повторяю — это не я их описал! Вот же гад этот трус, подложил мне такую свинью!

О боже, если у меня будет такая возможность, я ему всё припомню! И штаны эти припомню, и всё остальное!», — подумал Ван Чжун.

<http://tl.rulate.ru/book/114264/4400735>